

— Стихи «Передача Цзин-ди воинам» и «Духовный угорь, страшась дракона» принадлежат эпохе Сун, специально отмечаю.

Цзин Лин пристально смотрел на Се Юня, затем через некоторое время выдавил на лице многозначительную улыбку, полную зловещего очарования.

— Не выйдет, — холодно произнес он.

Хотя его взгляд был прикован к лицу Се Юня, слова были адресованы Фу Сянжун:

— Не волнуйся, госпожа Фу, ты пока что остаешься первой красавицей мира боевых искусств.

Фу Сянжун мгновенно переполнилась смесью ужаса и ярости:

— Почему?!

— Потому что...

Рука Цзин Лина у его бока внезапно развернулась, сильный порыв ветра вырвался наружу, пронесся стремительно и молниеносно устремился к лицу Се Юня —

[Дзынь!]

В критический момент Дань Чао поспешно выступил, вместе с ножнами и мечом, и на расстоянии всего в несколько цуней от ресниц левого глаза Се Юня тяжело блокировал этот удар!

Глухой звук — метательный снаряд упал на пол, и в зале мгновенно поднялся шум.

Все разом уставились и увидели, что это, внезапно, была золотая пуля размером с подушечку мизинца!

Дань Чао опустил взгляд и увидел, что тряпка, обернутая вокруг меча Цисин Лунъюань, уже была разорвана силой удара, обнажив белые ножны из кожи морского дьявола — даже на этой твердой и толстой поверхности кожи морского дьявола остались тонкие трещины. Стало ясно, что если бы эта пуля попала в глазное яблоко, какой ужасной была бы картина — разорванная голова и разбрызганный мозг.

Се Юнь поднял глаза, бросив взгляд на Дань Чао, и мягко произнес:

— Благодарю.

С момента выпуска золотой пули, ее приближения к левому глазу и до того, как ножны, прижавшись к кончику его носа, пересекли путь и заблокировали снаряд — на протяжении всего этого процесса он не сделал ни малейшей попытки уклониться, его лицо не изменилось ни на йоту, он даже не моргнул!

Дань Чао смотрел на него, медленно возвращая меч в исходное положение:

— Не стоит благодарностей, госпожа.

— Ты, рыжий бес! — В этот момент в зале уже нашлись молодые ученики, которые не могли больше сдерживаться, они ударили по столу и гневно закричали:

— Чем эта госпожа тебя обидела, чтобы так ранить человека?!

— Жестокий и беспощадный! Хуже свиньи или собаки!

— Еретическая секта, действительно еретическая секта в мире рек и озер!

Цзин Лин сделал вид, что не слышит, лишь скрестив крепкие руки, холодно разглядывал Дань Чао. Его взгляд, подобно его ярко-рыжим волосам, скрывал кровожадность, но Дань Чао без малейшего страха встретился с ним взглядом, сложил ладони вместе и поклонился:

— Прошу прощения у этого господина. Госпожу Лун в Поместье Ковки Мечей привел я, бедный монах, и я обязательно уйду отсюда, не потеряв с ее головы ни единого волоска в целости. Если господин непременно хочет доставить неприятности этой госпоже, то сегодня в этом зале мне, бедному монаху, придется попросить вас сразиться.

Неожиданно Цзин Лин не разгневался и даже не напал, его взгляд перешел с Дань Чао на лицо Се Юня, и через мгновение он не рассердился, а наоборот, усмехнулся:

— Хорошо.

С этими словами он больше не обращал внимания на Дань Чао, а прямо повернулся к Фу Вэньцзе:

— Что скажет молодой хозяин поместья?

Атмосфера стала невероятно напряженной, опасность вновь вернулась к семье Фу. Фу Вэньцзе и старая госпожа обменялись взглядами, после чего он хрипло произнес:

— Я и не знал, что в моей младшей сестре есть какая-то особая выгода, что заставляет Врата Духов и Призраков так настойчиво принуждать...

— Много думаешь, — насмешливо сказал Цзин Лин. — Люди, которые много думают, легко рано умирают.

Фу Вэньцзе снова посмотрел на Фу Сянжун. Маленькая девочка в панике таращила глаза, ее лицо то краснело, то бледнело, волосы и нефритовая шпилька были в беспорядке, она выглядела невероятно жалкой и несчастной.

Неважно, насколько она была высокомерна, она всего лишь десятилетняя девочка, избалованная с детства.

Фу Вэньцзе с трудом произнес:

— У меня есть только эта младшая сестра...

— А в мире рек и озер есть только одно Поместье Ковки Мечей.

Цзин Лин окинул взглядом полных глубокой враждебности людей в зале и усмехнулся:

— Возможно, вы все кое-чего не знаете. В тот день банда Хуанхай тоже изо всех сил отказывалась продавать свои земли и поместья Вратам Духов и Призраков, если точно считать, то дело было всего пару лет назад, а теперь в мире рек и озер, наверное, уже не осталось никого, кто помнил бы о существовании банды Хуанхай. Школа Кунтун настаивала, что та самая нефритовая печать принадлежит им, и даже послала старшего представителя своей

группы требовать ее обратно, а теперь у того старшего представителя все меридианы в теле разрушены, и он, должно быть, до сих пор лежит в постели.

Хотя сегодня я пришел один, но Врата Духов и Призраков изначально являются группой убийц, и сейчас многие мастера уже проникли в Хуайнань. Вы все — ученики известных школ, в расцвете сил, с прекрасными перспективами, и я тоже думаю, что если так просто потерять здесь жизнь, то это, пожалуй, несколько невыгодно.

Его острый, как молния, взгляд скользнул по каждому лицу в зале — то негодующему, то разгневанному, то робкому, то съежившемуся — и он медленно произнес:

— Ты!

Ученик школы Кунтун внизу зала резко вскочил и гневно закричал:

— И ты еще смеешь упоминать об этом! Мой наставник, дядя-предводитель...

[Цян!]

Неподалеку от него Чэнь Хайпин выхватил меч, встал, стремительно шагнул вперед, и послышался оглушительный грохот — он изо всех сил заблокировал лезвия, опущенные двумя замаскированными убийцами из Врат Духов и Призраков!

А позади него тот ученик Кунтун еще не успел среагировать, весь застыл с открытым ртом на месте.

Затем клинок меча в руке Чэнь Хайпина издал ужасающий треск и внезапно сломался под давлением!

Раздался оглушительный грохот — в тот же миг, когда обломки меча разлетелись, Чэнь Хайпин уклонился, схватил ученика Кунтун, и оба одновременно избежали лезвий убийц из Врат Духов и Призраков, продолживших свой удар, затем оба также потеряли равновесие и тяжело рухнули на землю.

Лезвия скрестились справа и слева, в мгновение ока, едва не задев лицо Чэнь Хайпина!

Старая госпожа Фу вскрикнула:

— Хайпин!

Несколько человек в зале вскочили:

— Прекратите!

Цзин Лин лениво произнес:

— Так что, если человек много болтает, он тоже легко рано умирает.

— Хватит! — Фу Вэньцзе изо всех сил ударил по столу, с лицом, позеленевшим от ярости, он рявкнул:

— Хватит, господин Цзин! Прикажи своим людям немедленно остановиться!

В зале все встали, повсюду был хаос, все убийцы из Врат Духов и Призраков наполовину

обнажили лезвия у своих поясов, на мгновение весь зал оказался на грани конфликта, воздух натянулся до предела, готовый взорваться от малейшего прикосновения.

Казалось, стоило кому-то сделать еще полшага, и вся ситуация погрузится в необратимое состояние.

Цзин Лин же был совершенно беззаботен.

Его лицо, безусловно, было настолько красивым, что заставляло девушек краснеть, но кончики бровей и уголки глаз были полны привычной к убийствам, беззаботной жестокости.

— Что хотел сказать молодой хозяин поместья?

Грудь Фу Вэньцзе сильно вздымалась, и через некоторое время он хрипло произнес:

— Дело с предложением руки и сердца от Врат Духов и Призраков действительно чрезвычайно важно, Сянжун в конце концов моя единственная младшая сестра...

Поместье Ковки Мечей временно не может сразу дать ответ, прошу господина Цзина погостить в поместье. В течение трех дней Поместье Ковки Мечей обязательно представит ответ, который удовлетворит всех.

Цзин Лин, казалось, уже ожидал такого результата, услышав это, он лишь приподнял бровь, посмотрел на Фу Вэньцзе, затем перевел взгляд на старую госпожу, Фу Сянжун, Чэнь Хайпина и на застывшие лица людей в зале, медленно, как змея, ощупывающая воздух языком, скользнул взглядом по Дань Чао и наконец остановился на бесстрастном профиле Се Юня, похожем на глубокий пруд.

— Хорошо, — высокомерно скривив губы, он сказал:

— пусть будет три дня.

После утренней стычки с Вратами Духов и Призраков Дань Чао изначально планировал немедленно отправиться в путь и покинуть Поместье Ковки Мечей, это место бедствий, но Се Юнь сказал ему, что уходить нельзя.

Дань Чао вырос в Мобэе. Одиноким дымом в великой пустыне, бескрайняя длинная река, звуки верблюжьих колокольчиков, пронизывающие белые облака, — во-первых, он не сталкивался с женщинами, во-вторых, не испытывал на себе мир рек и озер.

У него были превосходные природные данные, превосходная кость, два легендарных древних божественных меча, обладание которыми сулило власть над всем поднебесным, и еще был наставник, появлявшийся лишь в бесчисленных ночных снах, однако что касается самых базовых вещей как в императорском дворе, так и в мире рек и озер боевых искусств, он совершенно ничего не знал.

— Перед Поместьем Ковки Мечей сейчас сильный враг, в любой момент может случиться уничтожение всей школы. Если Великий Наставник уйдет сейчас, то впоследствии, если Поместье Ковки Мечей будет уничтожено, вы станете преступником, который стоял в стороне и ничего не делал, если Поместье Ковки Мечей не будет уничтожено, вы все равно будете трусом, сбежавшим перед битвой.

А у Поместья Ковки Мечей не хватит смелости вступить в прямой конфликт с Вратами Духов и

Призраков перед проведением Турнира боевых искусств в следующем месяце, поэтому они обязательно попытаются тянуть время. Переждав этот период, когда кризис минует, наступит время для ухода Великого Наставника и меня. Белый путь боевых искусств любит поддерживать друг друга, взаимно восхвалять и выдвигать, впоследствии, когда ученики этих известных великих школ выйдут в мир, слава о совместной защите от врага с Поместьем Ковки Мечей, естественно, не обойдет стороной и Великого Наставника.

Се Юнь стоял у пруда, заложив руки за спину, и время от времени бросал в воду рыбный корм, чтобы накормить больших красных карпов, из-за чего рыбы наперебой всплывали на поверхность. Осенний ветерок пролетал сквозь ветви золотых османтусов, мягко отводя его виски за уши, нежные черные волосы, чистая белая шея — цвета были отчетливыми и гармоничными, а его повествование было плавным, словно обычная беседа.

Брови Дань Чао дрогнули.

Казалось, очень давно, в ту эпоху его юности, когда он, как одинокий волчонок, отчаянно боролся и был свиреп и драчлив, тоже был человек, который так подавлял его, успокаивал, а затем терпеливо и доброжелательно наставлял.

Однако это было лишь смутное и эфемерное чувство, его сознание было подобно безбрежному глубокому морю, где трудно было ухватить даже самую крошечную конкретную деталь.

— Великий Наставник?

Дань Чао внезапно очнулся:

— Да.

Се Юнь легко и непринужденно сказал:

— Великий Наставник, когда общается со мной, не нужно так нервничать.

«Передача Цзин-ди воинам» и «Духовный угорь, страшщийся дракона» — это стихи эпохи Сун.

<http://bllate.org/book/15578/1387106>